

«Любовник муз латинских...»

(штрихи к портрету князя П.Б. Козловского)

Название моего сообщения взято из стихотворного послания А.С. Пушкина «Кн.Козловскому» («Ценитель умственных творений исполинских...»). Оставшегося в черновых бумагах поэта.

Другая пушкинская строчка-эскиз – «Друг бардов английских» – стала названием книги (текст был завершён в конце 1993 г.), посвящённой колоритнейшему персонажу отечественной и европейской истории первых десятилетий XIX столетия. Увы, но мой учитель Валерий Иванович Бovyкин прочитал её – не без лестного мне ободрения – только в рукописи.

Петр Козловский родился в декабре 1783 года. Князь – «природный, и Рюриковой крови». В прямой нисходящей мужской линии от легендарного предка – двадцать восьмое колено¹. Новейшие варяги – французские эмигранты д'Отишан, Ламбер, Шамиссо – среди учителей, в московском доме князя Б.П. Козловского. Руководствуясь, среди прочего, и мнением отставного секунд-майора: «Я почитаю нужными науками механику, физику, рисовать, архитектуру, часть химии, французский, немецкий и английский языки, историю, географию, музыку, манеж и фехтование»².

В 1798-м, литературный дебют юного князя (стихотворный перевод «Отрывок из жизни Нумы Помпилия» Ж.-П. Флориана) – в «Приятном и полезном препровождении времени». Перевод элегии «Сельское кладбище» Т. Грея – в «Иппокрене, или Утехи любословия». В год рождения А.С. Пушкина...

В январе 1801 года князь Петр Козловский, определенный юнкером в Коллегию Иностранных дел, был причислен к Московскому архиву³. «Молва уже говорила нам об одном князе Козловском, молодом мудреце, – вспоминал экс-архивист Филипп Филиппович Вигель, – который имел намерение определиться к нам в товарищи, и мы с любопытством ожидали обещанное нам чудо. Вместо чуда увидели мы просто чудака. Правда, толщина не по летам, в голосе и походке

натуральная важность, а на лице удивительное сходство с портретами Бурбонов старшей линии, заставили сначала самого г. Бантыш-Каменского принять его с некоторым уважением; разглядев же его пристальнее, узнали мы в нем совсем не педанта, но доброго малого, общительного, веселого и даже легкомысленного. Способностей в нем было много, учености никакой, даже познаний весьма мало, но он славно говорил по-французски»⁴.

С павловских времен числились по архивам отпрыски родовитых московских фамилий: граф И. Мусин-Пушкин, князь И. Щербатов, князь И. Волконский, братья Евреиновы, Булгаковы, Тургеневы... – «архивны юноши толпою». Остроумные шалуны являлись на балах и маскарадах, в салонах и гостиных. Сходились и на заседаниях Дружеского литературного общества, где верховодили Анд. Тургенев, А. Мерзляков и В. Жуковский.

Март 1801 года... Александр I – на престоле. «Начало дней Твоих прекрасно...» – отклик князя Петра Козловского⁵. Позже будет созвучное, пушкинское – «Дней Александровых прекрасное начало...»

Вскоре молодые честолюбцы покинули «первопрестольную», разъехавшись по европейским столицам: Константин Булгаков – в Вену, Александр Булгаков – в Неаполь, А. Тургенев и А. Кайсаров – в Геттинген... Князь Петр Козловский был прикомандирован к русскому посольству в Сардинии, вслед за королевским двором перекочевавшим в Рим.

Юные дипломаты незамедлительно вступают в переписку. Александр Булгаков (из Неаполя) – брату Константину (в Вену; июль 1803 г.): «Мне пишут, что Козловский бегаёт по развалинам, удивляется и кричит: чоґт знает, как это сравно!»⁶.

«Письма» – жанр модный среди россиян. После Н.М. Карамзина. Тон сентиментальный, естественно. И немножко шуточный. Вот, еще одно послание из Неаполя (октябрь 1803 г.) – тому же адресату: Козловский проказит в Риме; не имея что́ писать, расскажу анекдот один с ним приключившийся. Собрание у папы. Все туда съезжаются; Козловский в шелковых чулках, идет также по улицам с двумя лакеями^{1*}; иначе он из ворот своих не выходит, en disant: l'un est pour m'annoncer, l'autre pour me nettoyer les souliers (утверждая: один для того, чтобы объявлять о моем прибытии, а второй, чтобы чистить мои башмаки – *фр.*), приходит во дворец, входит в комнату, множество людей, видит одного

^{1*} – и по дням и по часам их нанимает; из чего не знаю (примеч. А. Булгакова).

кардинала, думает, что папа, подходит к нему, целует его руку, говоря: *vostra sanctita*, вместо *sanctita*.

Все – ха, ха, ха!

Один француз говорит ему:

– M-r, ce n'est pas le pape (Сударь, это не папа – *фр.*).

– Qui donc? (А кто же это?)

– C'est un cardinal (Кардинал).

– Où est donc le pape? (А где же тогда папа?)

– Plus loin, m-r, mais il n'est pas visible (Дальше, милостивый государь, но он не принимает).

– Les étrangers de distinction ont accès toujours partout (Благовоспитанным иностранцам доступ открыт всегда и везде), – отвечает Козловский и идет далее, входит в комнату папы, сам себя рекомендует.

Папа его обласкал и много с ним говорил. Козловский, говорят, ночи не спал от радости. Теперь объявил всем, что начал писать Римскую историю; *j'en ai montré, dit-il, le plan à mon ami Chateaubriand, qui en est émerveillé* (ее план показал, говорит, другу моему Шатобриану, который от него в восхищении – *фр.*). Шатобриан – сочинитель книги «*L'esprit du christianisme*» (Дух христианства – *фр.*) и при французской миссии в Риме»⁷.

Между тем князь Петр Козловский берет уроки латинского языка, истории и математики у французского иезуита Лами⁸. В 1805-м, в «Вечном городе» знакомится с баронессой Жерменой де Сталь.

Последующие годы связаны с захолустным Кальяри. Князь П.Б. Козловский, исполнявший с 1809 года обязанности российского поверенного при Сардинском дворе, написал «Историю господства генуэзцев в Крыму» (осталась в рукописи)⁹. В 1809 году его соседом по вилле на некоторое время стал прибывший на остров герцог Орлеанский (в 1830-1848 гг. французский король Луи-Филипп), с которым, прогуливаясь по берегу, они читали и комментировали Шекспира.

Исхлопотав в конце 1811 г. отпуск, князь П. Козловский по пути в Россию заехал в Рим. Здесь, на балу графини Шуваловой, его встретил Николай Тургенев, поспешивший уведомить об этом своего брата Сергея: «Под конец бала вошел в горницу князь Козловский, возвращающийся в Россию из Кальяри, где он был поверенным в делах от русского при сардинском дворе. Ты, я думаю, его помнишь: сделался еще толще. Я его тотчас узнал. Он, конечно, меня узнать не мог. Он очень обрадовался сей встрече. Позвал меня спать с собою в его трактире;

там проболтали мы до третьего часу ночи. Он уже семь лет из России. Все спрашивал о состоянии литературы и об экзаменах. Французский император дал ему недавно крест легиона второго класса, за то, что он спас несколько французских генералов и дал им паспорта. Я с ним много спорил, и спорил о таких предметах, кот<орые> никакому сомнению не подвержены: он утверждает, что русский народ никакого характера не имеет. Вот, брат, как и не глупые люди заблуждаются. Есть ли бессмысленное рассуждение некоторых иностранцев сделают на них в первой раз какое-нибудь впечатление, то они продолжают блуждать в сем лабиринте ложных мнений и, наконец, усиливаются в этих пустяках до невероятной степени. На меня все это имеет совершенное влияние. – Вчера он был у меня во французском кафтане с кошельком. Можешь копию найти в Гогартовых карикатурах. Мартос тотчас срисовал его»¹⁰.

В Петербурге князь П.Б. Козловский, получивший камергерский чин, возглавил Экспедицию дешифровки депеш Коллегии Иностранных дел, но уже осенью 1812 года вновь получил назначение к сардинскому двору. С повышением – в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра.

Путь к месту службы лежал через Швецию и Англию, где русский посланник задержался на несколько месяцев (развязка на континенте еще не наступила).

Князь – баловень великосветских салонов. «Среди «знатных иностранцев», – сообщила мужу-дипломату миссис Джексон, – мы имеем князя Козловского, который в последнее время оживляет басское общество. Он русский и едет в Сардинию в качестве посланника. Конечно, блестящие успехи русской армии бросили некоторый свет и на него и сделали его героем вечера, как если бы он сам был победоносным генералом, особенно у барышень, хотя я не могу сказать многого в пользу его наружности. Но они все говорят, и твоя сестра Клара, к сожалению, с таким же восхищением, как и остальные: «О, у него такая элегантная фигура, и он вальсирует как божество!» Какое божество, они не говорят, но уж наверное не Аполлон»¹¹.

Тогда же «рюрикович» познакомился с лордом Байроном и, судя по всему, не без некоторого впечатления на своего кумира. По крайней мере, в феврале 1814 г. английский поэт писал своему издателю: «Поступайте, как хотите, но не позволяйте устранить эти стихи («Корсар» – А.М.), чтобы мне не ставили в вину, что я испугался. Меня столько же заботит «Курьер», сколько князь или вообще все князья, за исключением Козловского»¹².

Публикатор байроновского письма добавил «от себя, что несомненно Козловского Байрон упомянул еще раз в XVII строфе 7-й песни «Дон-Жуана», где его имя искажено и стоит в ряду других, также искаженных имен:

Scherematoff and Chrématoft, Koklopti,

Koclobski (курсив мой – А.М.), Kourakin, and Mouskin-Pouskin»¹³.

Достоинства представителя российского императора оценили и в ученой среде, в Оксфорде, где князь П.Б. Козловский – первым из русских – был удостоен звания почетного доктора гражданского права (1813)¹⁴.

О карикатурном «следе» князя Козловского в Англии писал его первый биограф В. Доров: «Необыкновенная тучность Козловского, его своеобразная речь и повадки, в соединении с ослепительным, всегда метким остроумием, привлекали всеобщее внимание, и в такой стране как Англия не было недостатка в карикатурах на него. Сам он находил в этом большое удовольствие и от души смеялся. Так, например, очень худая, но элегантная русская княгиня Ливен отказала раз в танце плохо вальсировавшему англичанину и заметила при этом: *Je ne dance qu'avec mes compatriotes* (В танцах я предпочитаю соотечественников – *фр.*). Тотчас же появилась карикатура: толстый князь Козловский изображен был танцующим с на редкость худой княгиней Ливен, а внизу можно было прочесть: Долгота и широта Санкт-Петербурга»¹⁵.

После непродолжительного пребывания при дворе сардинского короля Виктора-Эммануила I, в июле 1814 года русский посланник вновь возвращается в Англию в свите императора Александра I. Имя Петра Козловского, вызванного в конце 1814 года на Венский конгресс, появляется в письмах родным Константина Булгакова, Николая Тургенева, в записках А.И. Михайловского-Данилевского, пораженного «одним из ученейших и самых оригинальных наших соотечественников... С глубокими познаниями в истории, политике и словесности, ибо он читает в оригинале и Горация, и Данте, и Адама Смита, и Клопштока, чему у нас примеры редки, с необыкновенною обширною памятью, которая делала беседы его для меня очаровательными, соединяет он обжорство, неопрятность и почти детскую беспечность»¹⁶.

Между прочим, на конгрессе князь П.Б. Козловский близко сошелся с многими выдающимися современниками: бр.Гумбольдтами, проф.Гансом, принцем де Линь, а также графом де ла Гардом, который посвятил своему приятелю несколько страниц в воспоминаниях: «Там (гостиница «Императрица Австрийская» – А.М.) собирались те из иностранцев, которых Двор не кормил на

казенный счет, или те, которым хотелось избежать этикета <...> Генералы, дипломаты, путешественники, все собрались вместе за этим импровизированным обедом. Одни были верховными сановниками грабящих величеств, а другие были ходатаями величеств ограбленных <...>

Общество такое разнородное, мало-помалу оживилось и перешло к болтовне и сплетням Table d'hôte`а. Один из присутствующих за столом, кн<язем> Козловский, русский посланник в Турине, уполномоченный своим государем содействовать на конгрессе соединению Генуи и Пьемонта, сопровождал каждый стакан токайского острою или эпиграммой, которые касались или его двора или того двора, при котором он был уполномоченным. На его открытом, оживленном лице было выражение искренности, которая влекла к нему и возбуждало желание сойтись с ним поближе <...>

Разговор кн<язем> Козловского пылко-увлекательный и разносторонний мог бы быть совершенным, если бы не превращался так часто в монолог <...> Сам увлеченный тем весельем, которое он возбудил в нас, он рассказывал нам анекдоты столь правдивые, что о них лучше умолчать даже в настоящее время.

Хотя имп<ератор> Александр, которого он потешал своими своими шутками, относился к нему очень благосклонно, а его подчиненные, льстящие всегда тому, кого они не могут с безопасностью для себя погубить, ладили с ним, но все-таки мне казалось, что он как-будто прокладывает себе верный путь к немилости или к изгнанию, потому что он выражался с благородной независимостью, которой он научился, конечно, уж не в обществе придворных. Истина и сила его замечаний были таковы, что если бы он заговорил так свободно в Петербурге, как он это делал в Вене, я мог бы побиться об заклад, что для него тотчас же были бы приготовлены фельдъегерь и кибитка, чтобы отвезти его в глубь Сибири для того, чтобы он там научился молчанию, которое должно быть неотъемлемою принадлежностью его дипломатического положения. Тем не менее, кн<язь> Козловский был нелицемерно предан своему государю и был воодушевлен славой и величием своей родины»¹⁷.

По окончании Венского конгресса князь П.Б. Козловский принимал участие в переговорах по демаркации границ между Швейцарией, Францией и Пьемонтом. Переговоры, которые велись в Париже и Турине, увенчались принятием приемлемого для всех сторон соглашением.

После Аахенского конгресса Священного Союза (1818) князь П.Б. Козловский в течение двух лет был чрезвычайным посланником и полномочным

министром при дворах Баденском и Вюртембергском. Подозреваемый (быть может, и не без оснований) в симпатиях к либерализму, он был уволен в 1820 году в отставку с оставлением в штате министерства и с пенсией в 3500 рублей.

«Русский европеец» (так шутливо величала князя баронесса Жермена де Сталь) более десяти лет колесил по Европе, переезжая из одной столицы в другую: Вена, Лондон, Мюнхен, Берлин, Париж... Повсеместно он вхож в высшее общество и принят при дворах: английского короля Генриха IV, прусского короля Фридриха-Вильгельма, французских монархов Людовика XVIII, Карла X и Луи-Филиппа.

Блистательный собеседник, рассказчик и фрондер – завсегда у европейских политических и литературных салонов, в т.ч. знаменитого берлинского салона Рахили фон Варнгаген.

Порой он брался за перо – «Некоторые статьи о греческом восстании и позиции России по отношению к нему» (1821), «Опыт истории России» (1820-1823)¹⁸, «Социальная диорама Парижа, сочинение чужестранца, проведенного в этом городе зиму 1823 и часть 1824 года» (русское издание – М., 1997)...

В августе 1826 года на о.Нордерней князь Козловский сходится с Гейне. Два фрагмента из переписки поэта: «Я много общаюсь с князем Козловским, очень остроумным человеком... Один русский князь, по имени Козловский, очень преданно помогает мне здесь коротать время. Мы неразлучны, и он, побывавший везде, большей частью в качестве посланника, рассказывает мне много интересного. Он пробуждает во мне охоту к высшему свету (*high life* – *англ.*)»¹⁹.

В следующем году, в Германии, князь свиделся с В. Жуковским. «Они часто болтали и читали стихи Жуковского вместе за полночь, к чему трудно теперь привести Жуковского, – писал Александра Тургенев, – Жуковский журил его за многое, но отдавал справедливость европейским мнениям его к чувству справедливости, кажется, врожденному в Коз< лов>ском»²⁰. Адресатом этого письма был Николай Тургенев («хромой Тургенев»), член «Союза благоденствия» и Северного общества, уехавшего за границу в 1824 году.

С декабристом, заочно осужденным Верховным уголовным судом, князь П.Б. Козловский общался в Англии в 1829 году²¹.

Между тем, материальное положение князя и его семьи (жена и двое детей)²² было незавидным – после отказа вернуться в Россию в 1826 году ему сократили пенсию до 2000 рублей. Слухи же о «крайнем либерализме», доходившие до Петербурга, затрудняли хлопоты друзей (В. Жуковский, А.

Тургенев, братья Булгаковы) о восстановлении князя П.Б. Козловского на службе. Надежда, кажется, забрезжила в 1834-м...

По пути в Россию он заехал в Ганау, где встретил князя П.А. Вяземского. «Мы были друг другу известны по общим нашим приятелям, но знакомы не были, – вспоминал Петр Андреевич, – с первой встречи, с первых минут разговора нашего мы уже были будто старые приятели. Простое обхождение его, искренность заменили действие лет и давали настоящему свичку небывалого прошедшего. До поздней ночи проговорили мы, или, лучше сказать, прослушал я его, и тогда же записал в памятную книжку свою впечатления моего нового знакомства и многое, что слышал от него <...> На другой день рано поутру явился я к нему. Он собирался уже ехать. Я проводил и посадил его в коляску фурмана, который должен был везти его чрез Лейпциг в Варшаву. В этой же коляске взято было место и какою-то дамою, или женщиною среднего звания, и NB. не молодою и не красавицею. Лучшее место принадлежало князю Козловскому, но он никак не согласился воспользоваться им, и после долгих прений обоюдного великодушия уступил его своей спутнице и сам сел на узкой передней прилавочке. Зная его, легко понять, что, при непомерной тучности его, подобное рыцарское самоотвержение было вместе с тем и добровольное мученичество на несколько дней»²³.

В Варшаве князя Козловского тепло принимал старый знакомый – генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич. Здесь, однако, произошло несчастье, надолго задержавшее путешественника в польской столице – внезапно сошедший с ума кучер, который вез князя на обед к наместнику, направил лошадей в глубокий овраг и Козловский сломал ногу.

До Петербурга князь добрался поздней осенью 1835 года. Ольга Сергеевна Павлищева (урожд. Пушкина), находившаяся в ту пору в северной столице, сообщала письмом (декабрь 1835 г.) своему мужу Н.И. Павлищеву, служившему в Варшаве: «Koslovsky souffre toujours beaucoup. C'est Sobolevsky qui va le voir, qui me l'a dit (Козловский по-прежнему сильно страдает. Соболевский только видел его и мне об этом сказывал – *фр.*)»²⁴.

Навещали, разумеется, своего друга князь П. Вяземский и В. Жуковский. А. Тургенев, находившийся в ту пору во Франции, узнавал об этом из их посланий: «Здесь Козловский; ходит на двух костылях по новому, но мил и умен по старому. Я у него раз был, но он так далеко запропастился, что визит к нему есть путешествие; а времени совсем нет»²⁵.

«Мы тогда с Жуковским часто навещали его, – вспоминал князь П. Вяземский, – и заставляли то в ванной, то на кровати. Несмотря на участие в его недугах, нельзя было без смеха видеть барахтавшуюся в воде эту огромную человеческую глыбу. Здесь можно кстати употребить это прилагательное огромное, которое так часто и неуместно ныне у нас употребляется. Пред нами копошился морской тюлень допотопного размера. До цинизма доходящее неряшество обстановки комнаты его было изумительно. Тут уж не было ни малейшего следа, ни тени англomanии. Он лежал в затасканном и засаленном халате; из-за распахнувшихся халата и сорочки выглядывала его жирная и дебелая грудь.

Стол обставлен и завален был головными щетками, окурками сигар, объедками кушанья, газетами. Стояли стеклянки с разными лекарствами, графины и недопитые стаканы разного питья. В нелицемерной простоте виднелись здесь и там посуда, вовсе не столовая, и мебель, вовсе не салонная. В таком беспорядке принимал он и дам, и еще каких дам, Господи прости! Самых изящных и самых высокородных»²⁶.

В Петербурге князь Козловский увидел своих родственников – Кайсаровых, Даргомыжских... Племянник А.С. Даргомыжский посвятил ему романс «Каюсь, дядя, чорт попутал...»²⁷.

Наконец, князь Козловский, с трудом передвигавшийся на костылях, явился и в петербургских салонах. «Появление его, – рассказывал князь П. Вяземский, – произвело в них сильное движение: он занял в них место до него вакантное: место говоруна, разговорщика. У нас нет и слова для наименования подобного лица. Это лицо какой-то имярек, что-то безымянное. Давно замечают, что тайна и прелесть разговорчивости, коей последние отголоски приветствовали нас во дни нашей молодости, ныне уже преданы забвению со многими другими тайнами и прелестьями, упраздненными волею и новыми требованиями господствующей действительности <...> Болтунов найдешь, но говоруны перевелись. Единственные говоруны нашей эпохи: журналы. На дипломатических обедах, на вечеринках литературных, в блестящих многолюдных собраниях, в отдельном и немногим доступном избранном и высшем обществе, голос князя Козловского раздавался неумолчно. Жадно собирались около него и наслаждались доселе неведомым удовольствием. Употребляя пошлое сравнение и чисто русскую поговорку, можно сказать, что тогда «звали на князя Козловского», как в старину московские бригадиры звали на жирную стерлядь; даже карточные столы, сии

четвероместные омнибусы нашего общества, получасом позже обыкновенного заселялись своими привычными и присяжными заседателями. Казалось, что вдруг, неожиданно сделано новое открытие: открытие дара слова, и все спешили хотя мимоходом полюбоваться сим новым изобретением»²⁸.

Дадим, однако, слово и всенепременному Филипп Филипповичу: «Князь Козловский казался жертвой, прослыл чуть ли не гением, коему не умеют отдавать справедливость. У него хороша память и кто много читает, тому куда как легко быть гением в наше время, когда говорится и пишется так много умного!...ему дивились, как всему заграничному. Мне казалось, что я вижу перед собою густую массу, которая более тридцать лет каталась по Европе, получила почти шарообразный вид, и, как иероглифами, вся испещрена идеями для нас не новыми, и множеством несогласных между собой чужих мнений, которые по клейкости ее так удобно к ней приставали»²⁹.

С особой симпатией и заботой относились к нему великий князь Михаил Павлович и великая княгиня Елена Павловна (урожд. Принцесса Вюртембергская), при дворе которых князь Козловский, по словам князя П. Вяземского, сделался «приближенным и почти домашним». На одном из вечеров в Михайловском дворце князь встретился с Николаем I. Государь проявил к нему благоволение – запись беседы, в которой Государь рассказал, между прочим, о своей встрече с А.С. Пушкиным (8 сентября 1826 г. – *А.М.*), сохранилась в бумагах князя П.Б. Козловского³⁰

С Пушкиным князь Козловский познакомился у своих друзей – В. Жуковского или князя П. Вяземского. Пушкинские впечатления-зарисовки – в черновиках уже упоминавшегося послания: «наперсник древних муз», «ценитель гения созданий исполинских»...

Не удивительно, что Александр Сергеевич предложил «философу и муд<рецу>» принять участие в «Современнике». «В беседах А.С. Пушкина с друзьями, – вспоминал князь В.Ф. Одоевский, – постоянно возбуждалась мысль о необходимости показать, каким образом можно об ученых предметах говорить человеческим языком и, вообще, как знакомить наших простолюдинов (в зипунах или во фраках) с положительными знаниями, излагая их общедоступным языком, а не так называемым <...> ученым или учебным языком. Мысль начать наконец вульгаризацию (популяризацию) науки <...> весьма интересовала Пушкина, и в кн.Козловском, бывшем тогда в Петербурге, Пушкин нашел человека, вполне способного к такому делу»³¹.

Позже князь Петр Козловский вспоминал: «Когда незабвенный издатель «Современника» убеждал меня быть его сотрудником в этом журнале, я представлял ему, без всякой лицемерной скромности, без всех уверток самолюбия, сколько сухие статьи мои, по моему мнению, должны были казаться неуместными в периодических листах, одной легкой литературе посвященных. Не так думал Пушкин: он говорил, что иногда случалось ему читать в некоторых из наших журналов, полезные статьи о науках естественных, переведенные из иностранных журналов или книг; но что переводы в таком государстве, где люди образованные, которым «Современник» особенно посвящен, сами могут прибегать к оригиналам, – всегда казались ему какою-то бедною заплатою не заменяющею недостатка собственного упражнения в науках»³².

В первой книжке журнала князь П.Б. Козловский в статье о «Парижском математическом ежегоднике» пишет: «Возвратясь в наше Отечество, после долговременного отсутствия, мы с радостью взираем на возрастающий в нем порыв к просвещению. По словам книгопродавцев, требование русских книг удесят�ерилось в нынешнее царствование; число писателей умножилось; но, к сожалению, сколько нам известно, все сие ограничивается литературою и некоторыми историческими произведениями. Даже в обеих столицах, блистательнейшие молодые умы обещают своему Отечеству только плоды исторических, политических и литературных трудов. Науки, так сказать, остаются назади, исключительным занятиям школ, или уделом людей, посвятивших себя какой-либо отдельной части государственной службы.

Таковое несогласие с ходом по сему предмету умов в Европе, тогда, как во всем другом наши соотечественники храбро борются с нею, вовсе для нас неудобопонятно <...> Как бы то ни было, в недоумении истинной причины исключительного вкуса к литературе, мы с нашей стороны имеем в предмете сею статью возбудить не токмо в юношах, но и в созрелом читателе желание к занятиям, которыя новое просвещение так облегчило, что и нежный пол не находит большого затруднения, в понятии правил просто и ясно изложенных...»³³

Вскоре – новая статья «О надежде», посвященная «философической математике, называемой исчислением вероятностей (*calcul des probabilités*) или наукой исчисления удобосбытностей».

«Читали ли вы 3-й № Современника? – спрашивал А. Пушкин в письме к П. Чаадаеву – Статьи «Вольтер» и «Джон Теннер» – мои. Козловский стал бы моим провидением, если бы захотел раз навсегда сделаться литератором»³⁴.

Для князя, однако, «письменный процесс...тягостен и ненавистен»³⁵. Есть свидетельство и Петра Бартенева: «Козловский владел необыкновенным искусством рассказа. Он сочинил целый роман, в котором доказывал, что крепостное право вреднее для господ, нежели для слуг. Роман этот, из лености, он не положил на бумагу, а постепенно рассказывал его своим приятелям»³⁶.

Впрочем, еще одну статью князь напишет. Ту, что «обещал» А. Пушкину. Поэт вспомнит о ней 26 января 1837 года...³⁷

Статья «Краткое начертание теории паровых машин» появится в седьмой книжке журнала А.С. Пушкина, «изданного по смерти его в пользу его семейства».

Стихотворение Поэта останется в черновиках:

«Ценитель умственных творений исполинских,
Друг бардов английских, любовник муз латинских,
Ты к мощной древности опять меня манишь,
[Ты снова мне] велишь.
Простясь с мечтой и бл <едным> <?> идеалом,
Я приготовился бороться с Ювеналом,
Чьи строгие стихи, неопытный поэт,
[Стихами] перевесть я было дал обет.
Но, развернув его суровые творенья..
Не мог я одолеть пугливого смущенья...
[Стихи бесстыдные] прияпами торчат,
В них звуки странною гармонией трещат...»³⁸

«Любовник муз латинских» в Петербурге не усидел. Летом 1836 года – уже в Варшаве, где получил место представителя министерства иностранных дел при наместнике Царства Польского князе И.Ф. Паскевиче. Едва ли только по материальным соображениям. По крайней мере, князь П.А. Вяземский приводит в своих воспоминаниях следующий диалог: «[Государь] спросил его, зачем хочет он поселиться и служить в Варшаве.

– Чтобы проповедовать полякам любовь к Вашему Величеству и к России.

– Ну, – сказал ему на то Император, улыбаясь, – как вы ни умны, а при всем и дарованиях ваших, вероятно, цели своей не достигнете»³⁹.

У каждого, верно, были свои резоны.

Между тем, князь быстро завязал знакомства в польском обществе. «Князь Варшавский, – вспоминал князь П. Вяземский, – называл Козловского присяжным защитником проигранных тяжб. Определение остроумное и меткое, но несколько для Козловского не обидное. Напротив, зная его, можно поручиться, что было оно ему приятно и лестно. В свете встречается так много людей, горячих и громогласных адвокатов всякой выигранной тяжбы и готовых распинаться за всякую удачу, что, хотя для одного разнообразия, отраднo встретить человека, который не только не отрекается от проигравших тяжбу, но еще сострадает им. Таково было, вероятно, мнение и фельдмаршала <...>

В течение многих лет просиживал он с ним ежедневно в своем варшавском кабинете по несколько часов сряду далеко за полночь. Знавшим Козловского, но мало знавшим князя Паскевича, эти беседы проливают новый свет на личность полководца; эти беседы не должны были быть всегда мирныя и одногласныя. Нет сомнения, что часто было и разногласие. Тем лучше! при искреннем и горячем обмене мыслей должны быть и обоюдные уступки <...> Он был, если можно позволить себе такое сравнение, род подушки (именно подушка, да еще какая!), которая служила иногда к смягчению трений, неминуемо бывающих между властью и власти подлежащими»⁴⁰.

Князь И.Ф. Паскевич – давний знакомый князя П.Б. Козловского. Тем не менее, известно, что он «относился к нему с некоторым недоверием. Козловский был католик и в делах, относящихся до католического духовенства, он действовал не вполне согласно с видами правительства». А потому не случаен, видимо такой пассаж в депеше фельдмаршала императору Николаю I: «о князе Козловском имею счастье донести, что по всем секретным сведениям...»⁴¹.

Туда же, в Петербург, адресуется и сам князь – князю П. Вяземскому (ноябрь 1836 г.): «Мнение мое о письмах Чаадаева отгадать вам будет нетрудно; но дело идет не о том, а о том, чтобы <...> отстоять его невредимым и прикрыть своею человеколюбивою защитою безумное его стремление к мученичеству. Как бы ни странны казались его мысли, все-таки человек, не посягающий на существующее правление, не оскорбляющий высокую особу монарха, не ищущий, в неблагоприятной своей искренности, ничего, кроме правды добра, все-таки в самых заблуждениях достоин заступления <...> тех, у которых есть перо и сердце. Многие из вас доступны к генералу [графу] Бенкендорфу, и я твердо надеюсь, что вы не оставите без покровительства журналиста и автора»⁴².

1839-й... Дружеская сходка «современников» во Франкфурте – В. Жуковский, князь П. Козловский и Александр Тургенев, который сообщает письмом князю П. Вяземскому: «Жуковский здоровее прежнего. Князь Козловский – краснобай по-прежнему. Здесь и все его семейство, а сын и с невестой: он благословил их по своему. Вчера танцевали у Убри <...> Орлов рассказал кое-что об Англии, где великий князь (Александр Николаевич – А.М.) очень понравился»⁴³.

Чуть позже, на борту «Николая I» князя встречает маркиз де Кюстин. Известный французский литератор направляется в Россию. Ему и слово: «Уже перед самым отходом парохода я увидел на палубе пожилого, очень полного, с трудом державшегося на своих колоссально распухших ногах господина, напоминавшего лицом, фигурой, всем своим обликом Людовика XVI. Это был русский вельможа, князь К<озловский>, происходивший от потомков Рюрика, принадлежавший к старинному дворянскому роду.

Едва почтенный старец, продолжая разговор со своим собеседником, уселся в кресло, как он обратился ко мне, назвав меня по имени. Я был поражен, но князь К<озловский> поспешил объяснить, что он давно слышал обо мне <...> Наша беседа завязалась. Мы долго говорили обо всех выдающихся событиях и людях нашего времени. Я узнал много новых политических анекдотов, услышал много тонких суждений, метких характеристик, и никогда, казалось мне, часы не протекали так быстро, как в беседе с князем»⁴⁴.

Во время плавания князь Петр Козловский наставляет маркиза-«паломника»: «Я дам вам ключ к разгадке страны, в которую вы теперь направляетесь. Думайте о каждом шаге, когда будете среди этого азиатского народа. Помните, что русские лишены влияния рыцарства и католицизма.

– Вы заставляете меня, князь, гордиться моею проницательностью. Лишь недавно я писал моему другу, что религиозная нетерпимость является главным тайным рычагом русской политики.

– Вы точно предугадали то, что скоро вам предстоит увидеть. Но все же вы не сможете составить себе верного представления о глубокой нетерпимости русских, потому что те из них, которые обладают просвещенным умом и состоят в деловых сношениях с Западом, прилагают все усилия к тому, чтобы скрыть господствующую у них идею – торжество греческой ортодоксии, являющейся для них синонимом русской политики.

Не думайте, например, что угнетение Польши является проявлением личного чувства императора. Это – результат глубокого и холодного расчета. Все акты жестокости в отношении Польши являются в глазах истинно верующих великой заслугой русского монарха. Святой дух вдохновляет его, возвышая душу над всеми человеческими чувствами, и сам бог благословляет исполнителя своих высоких предназначений. При подобных взглядах судьи и палачи тем святее, чем большими варварами они являются»⁴⁵.

Таково – в записи маркиза де Кюстина – содержание одного из разговоров с князем П. Козловским. По выходу книги «La Russie en 1839» беседы французского маркиза с русским князем взялся интерпретировать литератор Н. Греч: «Среди его спутников по плаванью был один русский, князь К°, остроумный человек, просвещенный и любезный, который почти всю свою жизнь провел за границей, где и получил воспитание: женившись на иностранке и исповедуя католичество, он, вследствие своего долгого, почти непрерывного отсутствия, превратился в иностранца, и не без враждебности к отчизне. С бойкостью, непростительной опытному дипломату, выкладывает он маркизу абсурдные побасенки, и последний верит им безоговорочно. Но, ведь, всякий раз ясно, что маркиз или не всегда понимал нашего князя-либерала, или же вкладывал в его уста такие идеи, которые никогда не могли с них сорваться»⁴⁶.

«К счастью, – вспоминал П. Плетнев, – Козловский тогда уже был покойник, когда вышла книга, а то она повредила бы ему»⁴⁷.

Тремя годами раньше князь Петр Козловский уехал в Баден-Баден. Там и опочил в октябре 1840-го.

¹ Долгоруков П.В., кн. Российская родословная книга. Ч. I. СПб., 1854. С. 203.

² Козловский Б.П., кн. Отец и патриот // Френкель В.Я. Петр Борисович Козловский. Л., 1978. С. 11.

³ Мурашев А. «Друг бардов английских...» («сурсики» о князе П.Б. Козловском). М., 2006. С. 38 – 39.

⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. Ч. I. М., 1891. С. 175.

⁵ Козловский П.Б., кн. Чувствования Россиянина при чтении милостивых манифестов, изданных Его Императорским Величеством Александром I-м 1801 года Апреля во 2-й день М., 1801. С. 5 – 8.

⁶ Письма А.Я. Булгакова к его брату из Неаполя в Вену. С. 21.

⁷ Письма А.Я. Булгакова к его брату из Неаполя в Вену. С. 25, 26.

⁸ «Конечным результатом этих занятий, – полагал В. Саитов, – был переход Козловского в католичество. Есть даже известие, что он сделался иезуитом» (Саитов В.И. Примечания // Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. Ч. II. СПб., 1899. С. 551). Православный исследователь М. Морошкин отметит:

«Козловский стал склоняться к латинству еще тогда, когда он был переводчиком при нашем посланнике в Риме Лизакевиче; здесь познакомился он с секретарем кардинала Феша Шатобрианом; тот произвел на Козловского сильное впечатление» (Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II-й до нашего времени. Ч. II. СПб., 1870. С. 507). Николай Тургенев следующим образом толковал этот факт биографии своего друга: «При необыкновенном уме он имел слабый характер. Эта слабость проявилась невыгодно не только в практической жизни, но и в процессе его мышления, так что парализовала силу его необыкновенного разума. Явным свидетельством сего служит его обращение в католицизм. Он просто сделался католиком, опасаясь ада! Это он мне неоднократно говорил, и все его писания о религии это доказывают» (Цитата по: Френкель В.Я. Петр Борисович Козловский. С. 130, 131).

⁹ Русский биографический словарь. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 46.

¹⁰ Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М., 1936. С. 107, 108.

¹¹ Цитата по: Струве Г. Русский европеец. Материалы для биографии князя П.Б. Козловского. Сан-Франциско, 1950. С. 11.

¹² Цитата по: Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX в.). // Литературное Наследство. Т. 91. М., 1982. С. 398.

¹³ Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX в.). С. 398.

¹⁴ Темпест Р. Русские силуэты в парижских архивах // Лица: Биографический альманах. М.-СПб., 1993. С. 60.

¹⁵ Цитата по: Струве Г. Русский европеец. С. 149.

¹⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Представители России на Венском конгрессе в 1815 году // Русская Старина. 1899. Т. 98. С. 649. Прибавим, что не единожды фамилия русского князя упоминалась в донесениях австрийских секретных агентов – см.: Weil M.-H. Les dessous du Congrès de Vienne. V. I. Paris, 1917. P. 487, 567, 568.

¹⁷ де ла Гард, гр. Картины из истории Венского конгресса. 1814 – 1815 гг. // Голос минувшего. 1915. № 6. С. 145 – 147.

¹⁸ См.: Ерофеев В.В. «Современник» Пушкина и журнально-литературное движение 30-х годов XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1952. С. 486 – 494.

¹⁹ Цитата по: Струве Г. Русский европеец. С. 122.

²⁰ Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпциг, 1872. С. 84.

²¹ См. Письмо Н. Тургенева князю П. Вяземскому от 16(28) августа 1869 г.: Френкель В.Я. Петр Борисович Козловский. С. 130, 131.

²² Подробнее см.: Мурашев А. «Друг бардов английских...» С. 296-298.

²³ Вяземский П.А., кн. Князь Петр Борисович Козловский // Вяземский П.А., кн. Полн. собр. соч. Т. II. СПб., 1879. С. 288.

²⁴ Письма О.С. Павлицевой к мужу, Н.И. Павлицеву, в 1835 г. // Пушкин и современники. Материалы и исследования. Вып. 17-18. Петроград, 1914. С. 204.

²⁵ Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 291.

²⁶ Вяземский П.А., кн. Князь Козловский // Вяземский П.А., кн. Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1882. С. 255, 256.

²⁷ Даргомыжский А.С. Полное собрание романсов и песен. Т. I. М.-Л., 1947. С. 50 – 52.

²⁸ Вяземский П.А., кн. Князь Петр Борисович Козловский. С. 290, 291.

²⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. С. 176.

³⁰ Подробнее см.: Гроссман Л. Пушкин. М., 1958. С. 294.

-
- ³¹ Цитата по: Последний год жизни Пушкина. М., 1988. С. 67.
- ³² Козловский П.Б., кн. Краткое начертание теории паровых машин // Современник. С. 51, 52.
- ³³ Козловский П.Б. Разбор Парижского математического ежегодника на 1836 год. С. 246 – 255.
- ³⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 16. М., 1949. С. 393.
- ³⁵ Вяземский П.А., кн. Князь Козловский. С. 241.
- ³⁶ Бартенев П.И. Примечания // Русский Архив. 1863. С. 808.
- ³⁷ «Именно в последний разговор мой с Пушкиным 26 января (на бале у гр.Разумовской), – вспоминал князь П. Вяземский, – просил он меня написать к кн.Козловскому и напомнить ему об обещанной статье, для «Современника». Принимая сие поручение, мог ли я предвидеть, что роковой жребий, постигнувший его на другой день, был уже непреложно отмечен в урне судьбы, и что несколько часов после, увижу Пушкина на одре смерти и услышу его дружеское прощание» (Современник. Т. VII. 1837. С. 52).
- ³⁸ Пушкин А.С. <Кн.Козловскому> // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 3. Ч. 1. М., 1948. С. 430. Здесь надлежит привести мемуарный фрагмент князя П. Вяземского: «В литературных беседах своих с Пушкиным настоятельно требовал он от него перевода любимой своей сатиры Ювенала: *Желания*. И Пушкин перед концом своим готовился к этому труду; помню даже, что при этом Пушкин перечитывал образцы нашей дидактической поэзии и между прочим перевод Ювеналовой сатиры Дмитриева и любовался сим переводом как нечаянную находкою» (Вяземский П.А., кн. Князь Петр Борисович Козловский. С. 293).
- ³⁹ Вяземский П.А., кн. Князь Козловский. С. 254, 255.
- ⁴⁰ Вяземский П.А., кн. Князь Козловский. С. 235 – 237, 239.
- ⁴¹ Цитата по: Щербатов А.П., кн. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. С. 176.
- ⁴² Цитата по: Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 505.
- ⁴³ Остафьевский архив князей Вяземских. С. 72.
- ⁴⁴ Кюстин А., маркиз. Николаевская Россия. М., 1990. С. 50, 51.
- ⁴⁵ Кюстин А., маркиз. Николаевская Россия. С. 53.
- ⁴⁶ Examen de l'ouvrage de M. le marquis de Custine intitulé «La Russie en 1839», par N.Gretsch. Paris, 1844. P. 14, 15 (перевод М.М. Пантелеева).
- ⁴⁷ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. II. СПб., 1896. С. 526.